

Е.В.Новосёлова

Погребения правителей в государствах доколумбовой Америки

В статье на материале письменных и археологических источников анализируются погребальные обряды и ритуалы, совершавшиеся во время похорон верховных правителей крупнейших государств доколумбовой Америки. Рассматривается вопрос об отличиях и сходствах, а также их религиозное и идеологическое наполнение. Автор приходит к выводу, что церемонии прощания с верховными правителями являются отражением уровня могущества самого государства.

Ключевые слова: погребальные обряды, идеология, верховная власть, майя, ацтеки, инки.

В древних обществах религия и связанные с ней обряды играли ключевую роль в мировоззрении. В них отражались не только религиозные верования, но и различные идеологические тенденции. Погребальные обряды верховных правителей в этом отношении особенно показательны: они являются прекрасным источником для изучения представлений о загробной жизни, а также идеологии, связанной с верховной властью в целом, что имеет немаловажное значение для понимания той или иной древней культуры.

Предметом настоящей статьи являются погребения правителей в крупнейших государствах древней Латинской Америки. Выбор темы обусловлен тем, что данная проблема в историографии рассматривается преимущественно лишь в контексте отдельных государств и культур, в то время как ее комплексное изучение дает возможность расширить наши представления о предмете исследования. Анализ будет строиться на материалах из государств двух цивилизационных центров Древней Америки: Месоамерики (государство ацтеков и Теотиуакан в Центральной Мексике, Канульское и Кукульское царства майя) и Андской цивилизации (доинкские государства Тиуанако, Уари, Чимор и государство инков Тавантинсуй*). Хроно-

Елена Владимировна Новосёлова — аспирантка кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Helena-Novoselova@yandex.ru).

* Тавантинсуйу — использовавшееся самими инками название государства в переводе с кечуа означает «Страна четырех сторон Света».

логически это период с III в. н.э., к которому относится начало так называемого классического периода в истории культуры майя и расцвет ее основных государств, до первой трети XVI в, когда государства ацтеков и инков были завоеваны испанцами. Основным источником по первым двум являются преимущественно колониальные хроники¹, по майяским царствам — иероглифические тексты и данные археологии, по остальным государствам — почти исключительно археология. В связи с этим возможна реконструкция части элементов обрядов по данным родственных культур, однако ее следует проводить с осторожностью.

Сначала обратимся к погребальным практикам в рамках Андской цивилизации. Наибольшим количеством данных по обрядам мы располагаем в государстве инков Тавантинсу́йу (XIII—XVI вв.) — крупнейшему и самому централизованному в доколумбовой Америке государственному образованию. Они отличались размахом, пышностью и обилием сопровождавших их жертв: так, существовала традиция умерщвлять некоторых жен и слуг почившего инки². (Попутно отметим, что все испанские хронисты, кроме Инки Гарсиласо де ла Веги, приписывавшего своим предкам-инкам основы христианской морали, оставили данные о бытовании среди инков практики человеческих жертвоприношений.)

Очень подробно на данной категории ритуалов останавливается хронист Хуан де Бетансос, ценность сообщений которого во многом состоит в том, что он был женат на инкской принцессе и имел возможность получать информацию о Тавантинсу́йу от самих инков. Он приводит детальные распоряжения девятого инкского императора Пачакутека (правил в 1438—1471 гг.) относительно его собственных похорон: после своей смерти он велит потушить весь свет во дворце, при этом его обитатели должны отказаться от ношения золотых и серебряных украшений, а также одежд из дорогих тканей. Затем преемник должен выйти на главную площадь столицы Куско и с громким плачем рассказать обо всех деяниях Пачакутека³. Кроме того, этот Сапа Инка велел провести два праздника (которые получили название *Пурукайя*) в свою честь: на пятнадцатый день смерти и на годовщину, основной целью которых должна была стать его канонизация⁴.

Теперь необходимо подробнее остановиться на обрядах, связанных непосредственно с телом почившего императора. Известно, что оно подвергалось бальзамированию, техника которого, к сожалению, неизвестна: до нашего времени не дошло ни одной императорской мумии, поскольку по приказу испанцев они были либо сожжены, либо закопаны в землю. Часть бесследно исчезла, как, например, мумия Пачакутека⁵. Так или иначе, хронисты, видевшие мумии собственными глазами (Хосе де Акоста, Поло де Онденгардо и Гарсиласо), утверждали, что они выглядели, как живые. Впрочем, вполне возможно, что подобное впечатление создавалось не столько за счет искусной мумификации, сколько из-за масок на лицах, о существовании которых сообщает Фелипе Гуаман Пома де Айала⁶. Если попытаться провести аналогии особенностей мумификации императоров с обрядами, сопровождавшими погребения, которые находят археологи (например, с останками детей), то можно сказать, что мумификация правителей проводилась с помощью сапонификации (омыления) и соляного консервирования⁷. Кроме того, императорские мумии подвергались многослойному обертыванию тканями, в результате чего их размер увеличивался

в несколько раз*. Можно также предположить, что телам при бальзамировании придавали сидячую позу: в хронике Помы есть иллюстрация праздника мертвых, на которой изображена мумия именно в такой позе⁸. Все это было характерно для большинства мумий Андского региона, в том числе и принадлежащих к культурам Уари и Чиму (рисунок 1), поэтому у нас нет оснований считать, что тела инкских императоров подвергались принципиально иной обработке. Однако что-либо более конкретное сказать трудно.

Из вышеописанной практики мумификации несколько выбивается способ погребения 11-го Сапа Инки Уайна Капака (правил в 1493—1527 гг.). Согласно данным Бернабе Кобо — иезуита, писавшего уже в начале XVII в., сердце Уайна Капака было оставлено в Кито, где он и умер, а тело привезено в Куско⁹. Вероятно, здесь мы имеем дело с примером борьбы столичной и региональной элит, а именно между кусканской и китской знатью, последняя из которых значительно усилилась вследствие длительного пребывания императора в Кито из-за необходимости постоянно держать недавно завоеванные территории под контролем. Апофеозом этой борьбы и стала война, разразившаяся после смерти Уайна Капака между его сыновьями Уаскаром и Атауальпой.

Дискуссионным остается и вопрос о том, где хранились мумии: в главном столичном храме солнца Кориكانче или на территории панаким**, к которой принадлежал тот или иной Сапа Инка. Данные хронистов здесь разнятся: так, Гарсиласо и Педро де Сьеса де Леон сообщают о том, что мумии хранились в Кориكانче, Акоста и Бетансос говорят при этом о панаках (последний также сообщает конкретное место упокоения Пачакутека — город Патайакта)¹⁰. Кобо придерживался той же точки зрения, при этом он приводит названия всех населенных пунктов, где проживали члены панак и где якобы хранились мумии их основателей¹¹. У остальных авторов хроник данные сведения отсутствуют.

Однако сообщения хронистов в значительной степени обесцениваются тем, что ни один из них не видел главный храм империи собственными глазами, поскольку к середине XVI в. он был разграблен и почти полностью разрушен. Единственный хронист, который видел его в сохранности, — Педро Писарро, не оставил соответствующих описаний. Следовательно, достоверно подтвердить или опровергнуть факт хранения мумий там они не могли. Поло де Онденгардо, нашедший императорские мумии, будучи чиновником в Куско, сообщает о том, что они хранились не на территории главного кусканского храма¹², однако не исключено, что индейцы вынесли их оттуда, чтобы спрятать от испанцев.

На материале хроник можно также проследить такой аспект, как обрядово-ритуальное обращение с мумиями. Есть основания утверждать, что за каждым инкским правителем после смерти сохранялись не только все имущество и штат прислуги, но и жен, которые занимались, наряду с родственниками, обслужива-

* Вследствие этого хронисты зачастую называют мумии Сапа Инков *bulto*, что дословно означает «тюк», либо просто *сиерро*, т.е. «тело».

** Панака — аутентичное обозначение родов, на которые делилась инкская династия. По сведениям большинства хронистов каждый новый император основывал собственную панаку, к которой принадлежали все его потомки.

нием императорской мумии в рамках той или иной панакы. При этом одна из жен позиционировалась в качестве императрицы, а глава панакы выступал от имени почившего как его главный представитель¹³.

Как уже отмечалось выше, погребальные практики доинкских держав нам известны по данным археологии. При этом наиболее подробно мы можем реконструировать их на материале государства Уари (VI—XI вв.н.э.) во многом благодаря недавней находке польских археологов, обнаруживших неразграбленное захоронение уарийской знати в Кастильо де Уармей на северном побережье Перу¹⁴. В результате недавних (сентябрь 2012 г.) раскопок был найден некрополь с погребальной камерой, где покоились более 60 человек (в основном женщин). В северо-восточном углу основной камеры располагалось несколько отсеков меньшего размера, где были обнаружены три женских погребения, которые, судя по сопроводительному материалу, принадлежали особам более высокого социального статуса. При этом были найдены многочисленные образцы керамики, золотых украшений, кипу¹⁵. Богатство захоронения, а также его несомненное сходство с некрополями из центра державы (прежде всего самой столицы Уари — одноименного городища — и ее окрестностей) позволяют прийти к выводу о том, что погребение из Кастильо де Уармей принадлежало представителям правящей династии Уари, возможно, членам царского рода, управлявшим одной из отдаленных областей государства.

Что же касается непосредственно ритуалов, сопровождающих погребение, то здесь необходимо отметить следующее. Во-первых, наличие сопроводительных захоронений: в Кастильо де Уармей как минимум один мужчина и одна женщина были принесены в жертву при совершении основного захоронения. Во-вторых, наличие святилища при некрополе, что говорит о развитом культе предков (и, возможно, умерших правителей), которым приносились жертвы. Примерно тот же набор ритуалов прослеживается и по материалам из столицы Уари, носящей то же название. Однако он, к сожалению, менее репрезентативен, поскольку все эти погребения были разграблены еще в древности. Среди гробниц особо выделяется погребение в секторе Монхачайук (рисунок 2), которое многими исследователями рассматривается как царское¹⁶. С такой оценкой согласны не все ученые¹⁷, однако масштабность этого захоронения однозначно говорит в пользу того, что оно принадлежало персоне очень влиятельной, каковой с высокой долей вероятности мог быть именно правитель. Тем не менее сам факт того, что это

Мумия культуры Уари. Средний горизонт. Из собрания музея Ларго, Лима

Царское погребение в секторе Монхачайук. Городище Уари, Перу

грандиозное захоронение является единственным в своем роде, говорит о том, что подобные погребения не были нормой. Данный некрополь представляет собой многоуровневое сооружение: наличие многочисленных дополнительных камер поверх основной, скрытой в глубине, позволяет предполагать, что, вероятно, вместе с правителем погребались его слуги, рабы или жены (сохранность памятника не позволяет ответить на этот вопрос точнее), то есть зависимые от него люди.

Данных по погребальным обрядам правителей в государстве Тиуанако (IV—XI вв. н.э.) у нас существенно меньше, поскольку неразграбленных захоронений пока не обнаружено. Судя по всему, правители этого государства, как и знать в целом, находили свой последний приют в столице — городище Тиуанако. Скорее всего именно правителям и знати в целом принадлежат индивидуальные погребальные камеры, расположенные в Каласайсе. Это название носит центральный храм городища, представляющий собой невысокую платформу с обширным внутренним двором, обнесенным массивными стенами¹⁸. Наиболее типичным трупоположением была поза эмбриона, что само по себе является довольно архаичным. Кроме того, в погребениях Тиуанако нередко находят кости лам, морских свинок и рыб, что является свидетельством, с одной стороны, соответствующих жертвоприношений, а с другой — наличием веры в то, что умершего необходимо снабдить продуктами питания для загробной жизни.

Следует отметить также то, что найденные на данный момент погребения Тиуанако существенно уступают по богатству и масштабности некрополям Уари, что является признаком, по которому можно судить о поло-

жении правителя в этих государствах. Вероятно, владыка Уари был окружен большим почетом и богатством, нежели правитель Тиуанако.

Погребения правителей Чимора (IX—XV вв. н.э.) также располагались в столице государства Чан-Чане, а именно в так называемых съюдаделах, или цитаделях, — обширных жилых комплексах, которые, согласно мнению большинства исследователей, являлись резиденциями правителей. При этом сама погребальная платформа обычно находится вблизи центрального или южного сектора, и церемония сопровождается принесением в жертву большого количества молодых женщин¹⁹, а сам центральный сектор мог служить в качестве святилища²⁰. Вероятно, эти женщины были женами и наложницами правителя, которые должны были последовать за своим господином на тот свет. Некоторые сведения о похоронных ритуалах индейцев Чимора, которые можно отнести и к правителям, сообщает хронист, августинец Антонио де ла Каланча, писавший в XVII в. По его словам, индейцы не погребают умерших в течение пяти дней после смерти, оплакивая их. Хоронят же их, уложив так, чтобы руки обхватывали колени, и верят, что душа умершего приглядывает за телом²¹. Таким образом, те данные хрониста, которые можно проверить на археологическом материале (в частности, поза покойных), находят подтверждение. Археологические данные дают также интересные сведения об изменениях в погребальных практиках Чимора: обычай погребать правителей в съюдаделе закрепляется лишь к позднему этапу существования государства, то есть приблизительно к середине XIV в.²². Это свидетельствует о несомненных изменениях в идеологии и религиозных ритуалах Чимора, в рамках которых личность правителя окружается большим почитанием и как бы обособляется от остальной массы населения. Данные процессы могут быть связаны с экспансией государства²³ и расширением его границ и, как следствие этого, мощи.

Как видно из приведенного анализа, в погребальных практиках правителей всех доколумбовых держав Андской цивилизации прослеживается несомненное сходство: погребение в столицах, развитый культ предков, наличие сопроводительных человеческих жертвоприношений и т.д. При этом, чем крупнее и централизованнее государство, тем пышнее погребальные обряды правителей.

Большой торжественностью отличались также и похороны почивших ацтекских правителей. Они сопровождались многочисленными церемониями, ритуальными плачами и жертвоприношениями рабов и слуг²⁴, дабы они служили своим повелителям в потустороннем мире. Относительно места захоронения данные разнятся: так, хронист духовного звания Диего Дуран сообщает, что, в частности, Монтесума I (правил в 1440—1469 гг.) был захоронен с большей частью своих сокровищ во дворе своего дома²⁵, в то время как Ашайакатль (1469—1481) и Ауицотль (1486—1502) были погребены у ног идола верховного божества войны Уицилопочтли²⁶, т.е., видимо, в его храме. По всей вероятности здесь мы имеем дело с трансформацией погребальных практик: от более архаичных (погребение в жилом помещении) к более институционализированным, привязанным к почитанию верховного божества и, таким образом, повышающим престиж умершего.

При погребении тело правителя, предварительно украшенное и обернутое в три слоя сотканной из перьев ткани, сжигалось вместе со всеми жерт-

воприношениями (помимо человеческих жертв, во время похорон *тлатоани** также жертвовались ткани, украшения, еда, напитки)²⁷, и в этом ацтекская погребальная практика разительно отличается от андской. В хронике Дурана есть любопытное упоминание о статуе Ашайакатля, сделанной после его смерти, на которую были последовательно надеты одежды четырех божеств — Уицилопочтли, Тлалока, Хоуалауа и Кецалькоатля²⁸. Однако неясно, было ли это устойчивой практикой.

Судя по описаниям Фернандо де Альвы Иштлильшочитля, чья родовая восходила к правителям Тескоко — второго по значимости центра в долине Мехико после столицы ацтеков Теночтитлана, погребальные обряды Тескоко были практически идентичны теночтитланским²⁹. При этом он называет многочисленные человеческие жертвоприношения ацтекской традицией, уверяя, что, в частности, Несауалькойотль (1428—1472), самый прославленный из тескоканских правителей, стремился свести их к минимуму³⁰. Впрочем, подобные заверения могут являться лишь результатом стремления очернить старых соперников в свете христианской морали.

При этом ни один хронист не упоминает о посмертном почитании самих *тлатоани* и мест их непосредственного погребения. Хотя перенос царских захоронений в храм Уицилопочтли, несомненно, способствовал усилению их почитания, о каком-либо особом культе умерших *тлатоани*, тем не менее, говорить не приходится. Сам способ их захоронения, т.е. кремация, не способствовал развитию особого поклонения их останкам.

К сожалению, мы располагаем немногочисленными свидетельствами о ритуальных практиках, связанных с правителями теотиуаканского государства (II—VII вв. н.э.). В силу специфики источников лучше всего мы представляем обряды, сопровождавшие похороны знати, хотя и по этому вопросу имеющиеся знания не дают нам полной картины. Однако уже сейчас можно утверждать, что теотиуаканские погребальные обряды во многом родственны ацтекским: в обоих случаях распространенной традицией была кремация, однако практиковалось и трупоположение. Как уже отмечалось выше, кремация применялась при погребении *тлатоани*, поэтому можно предположить, что и в Теотиуакане подобный обычай бытовал при захоронении представителей знати.

В Теотиуакане местами погребения наиболее знатных лиц были, по видимому, пирамиды³¹. В частности, внутри пирамиды Луны было раскопано мужское захоронение, среди сопроводительных даров которого были изделия из обсидиана и нефрита, керамика, раковины и кости животных³². Захоронения были обнаружены и в других пирамидах Теотиуакана (в пирамиде Солнца и Пернатого змея), однако плохая сохранность затрудняет их однозначную интерпретацию. Впрочем, сравнительный анализ этих данных с материалами по другим культурам, в частности майя, позволяет предположить, что подобные захоронения принадлежали именно знати.

Смерть правителей майя непосредственно в иероглифических текстах описывается весьма кратко. Часто это событие описывается метафорическим выражением *k'a'aay u-saknik-ik'il*, то есть «иссяк его белый ветер». Здесь проявляется семантическая связь, с одной стороны, между вмести-

* Тлатоани — титул ацтекских правителей, обычно переводится как «царь».

лищем жизненной силы, и с другой — представлением о ней как о чем-то эфемерном. Другим распространенным глаголом для выражения смерти является *cham*, который переводится как «умереть».

Упоминаются в текстах и места погребения правителей: они передаются иероглифом *tuknal*. Наиболее могущественные правители находили свое последнее пристанище в пирамидальных захоронениях, и в этом отношении культура майя следует в русле общемесоамериканской традиции, в рамках которой пирамида с гробницей была символом горы с пещерой, являвшейся, в свою очередь, местом, откуда произошло все сущее. Более того, этот мотив можно назвать общеамериканским, если вспомнить одну из версий происхождения инков из пещеры Пакаритамбо недалеко от Куско.

Погребения майяских правителей открыты во многих центрах, однако нас интересуют прежде всего погребения царей Кукуля и Кануля, расположенные в городищах Тикаль и Калакмуль, соответственно. На данный момент в Калакмуле обнаружено несколько погребений, которые можно идентифицировать как царские, но наиболее репрезентативными являются четыре из них. Гробница 1 была обнаружена внутри строения VII. Относящаяся к VIII в., она содержит останки предположительно Йукноом-Тоок-К'авиия. Найденный в гробнице скелет, принадлежащий мужчине 35—50 лет, неполон: это можно объяснить тем, что, согласно алтарю 9 из Тикаля, этот царь был захвачен в плен и принесен в жертву³³. При этом в гробнице найден очень богатый сопроводительный инвентарь, из которого особо выделяется маска, состоящая из 2147 кусочков жадеита³⁴.

Севернее гробницы 1 было обнаружено также женское захоронение, предположительно жены самого известного канульского царя Йукноом-Чеена II (636—686 гг. н.э.) в возрасте 40—50 лет. Погребение характеризуется трупоположением на деревянных носилках, в качестве сопроводительного инвентаря представлены керамика, изделия из жадеита, раковины³⁵. Последние, наряду с нефритом, имели для майя большое символическое значение, олицетворяя семантический ряд гробница — чрево — рождение³⁶, символизируя, таким образом, идею перерождения умершего в новой жизни.

Частично разрушенная гробница 2, найденная в строении IV, является погребением мужчины преклонного возраста. Среди сопроводительных даров следует отметить черную керамическую маску и сосуды раннеклассического типа того же цвета. Возможно, это захоронение принадлежало царю К'альтуун Хишу (VI в. н.э.).

Гробница 3, расположенная в строении XV, ценна, прежде всего, находившейся там хорошо сохранившейся маской из множества мелких кусочков жадеита, глаза которой сделаны из обсидиана, а губы — из раковин моллюсков³⁷.

Наконец, гробница 4, ставшая одной из главных археологических находок последних лет в этом городище. Обнаруженное в строении II, это захоронение принадлежало, судя по всему, Йукноом-Ич'аак-К'ахку (686—695(?), сыну Йукноом-Чеена Великого. Представленное в виде трупоположения, оно характеризуется хорошей сохранностью органических материалов и богатым сопроводительным инвентарем, среди которого особенно выделяется жадеитовая маска Йукноом-Чеена. В гробнице также было обнаружено 14 керамических сосудов³⁸. Реконструкцию этого погребения можно увидеть в музее города Кампече (Мексика)³⁹.

Царские погребения Тикаля также весьма многочисленны. Захоронения *ахавов*, т.е. царей доклассического и раннеклассического периодов, находятся на Северном акрополе, но, к сожалению, они были разграблены еще в древности⁴⁰. Из погребений этого комплекса следует отметить гробницу Сийах-Чан-К'авиля II (411—456 гг. н.э.) в храме 33, стены которой расписаны иероглифами; среди них есть надпись с датой смерти этого царя⁴¹.

В храме 32 обнаружена гробница двадцать второго по счету царя. По находкам из жадеита это захоронение является одним из богатейших в Тикале. Оно было затоплено вскоре после завершения, и слой грязи, образовавшийся после этого, воспрепятствовал проникновению грабителей. В гробнице были обнаружены четыре массивных панели, трон и модель кавиля — царского скипетра⁴².

В храме 34 находится гробница Йаш-Нуун-Ахиина (379—404 гг. н.э.). Помимо тела самого царя там также покоились останки девяти принесенных в жертву молодых людей⁴³ — обычай, не очень типичный для майя.

В позднюю классику, т.е. в VII—IX вв. н.э., тикальские цари погребались в усыпальницах на центральном акрополе главной площади городища. В храме 1 находится гробница Хасав Чан К'авиля I (XI в.н.э.). Погребальный инвентарь представлен украшениями из жадеита, керамикой, а также костями с надписями⁴⁴.

Недалеко от Храма 1, в строении 5D-73 была также обнаружено захоронение знатной персоны, предположительно Йихк'ин-Чан-К'авиля (VIII в.н.э.)⁴⁵, правителя позднеклассического периода. В погребальной камере находился скелет мужчины, лежащий на спине в вытянутой позе, при этом голова обращена на запад⁴⁶. Инвентарь состоял из множества керамических сосудов, жадеитовых украшений и раковин⁴⁷.

Как видно из приведенного обзора, погребальный обряд *ахавов* в Тикале и Калакмуле проводился по единому образцу: схожи и способ погребения, и набор инвентаря, что свидетельствует о существовании единых представлений о верховной власти и сферы заупокойного культа. Важным компонентом этих представлений был культ предков, который выражается в обычае хоронить умерших правителей в центре города, рядом с дворцовыми комплексами, где находился дом *ахавов* (при этом среди менее привилегированных слоев майяского общества традиция хоронить покойников прямо в жилищах был распространен довольно широко⁴⁸). Несмотря на то, что культ предков у майя не носил такого выраженного характера (по крайней мере мы не располагаем данными о практиках использования тел умерших в ритуалах или посещениях гробниц), как в Андской цивилизации, он все же был очень важным элементом идеологии и мировоззрения в целом.

Таким образом, мы видим, что погребальные практики доколумбовых держав обладают определенным сходством как в рамках отдельных цивилизаций (Месоамериканской и Андской), так и в целом: для большинства из них характерны концентрация на культе предков и наличие сопроводительных жертв. При этом, как уже отмечалось выше, чем крупнее и мощнее было государство, тем более пышными были погребальные обряды. Это подтверждает тезис о том, что эти обряды были составным элементом идеологии, направленной на возвеличивание верховной власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- ¹ Основные хроники по инкам: Inca Garcilaso de la Vega. *Commentarios reales de los Incas*. Lima, 1970; Pedro de Cieza de León. *Cronica del Perú. El señorío de los Incas*. Lima, 1973; Filippé Guaman Poma de Ayala. *Nueva coronica y bien gobierno*. Méjico, 1988. José de Acosta. *Historia natural y moral de las Indias*; Pedro Sarmiento de Gamboa. *The history of the Incas*. Austin, 2007; Bernabe Cobo. *História del Nuevo Mundo*. Sevilla, 1893; Juan de Betanzos. *Narrative of the Incas*. Austin, 1996; Polo de Ondengardo. *Informaciones acerca de la religión y gobierno de los incas*. Lima, 1916 — 1917. Основные хроники по ацтекам: Diego Durán. *Historia de las Indias de Nueva España*. México, 1867; Hernando Alvarado Tezozomoc. *Crónica mexicana*. Madrid, 2001; Fernando de Alva Ixtlilxochitl. *Historia de la Nación chichimeca*. Madrid, 2000; José de Acosta. *Historia natural y moral de las Indias*; Bernardino de Sahagún. *Historia de las cosas de Nueva España*. T. I-III. México, 1829—1830.
- ² F.Guaman Poma de Ayala. *Nueva crónica y buen gobierno*. México, 1988, p. 206.
- ³ J.de Betanzos. *Narrative of the Incas*. Austin, 1996, p. 131—132.
- ⁴ Ibid., p. 134.
- ⁵ F.J.Soto Rolan d. Los Incas y poder de sus momias, p. 6. — Available at: http://www.edhistorica.com/pdfs/LOS_INCAS_Y_SUS_MOMIAS.pdf (accessed at 15.09.1015).
- ⁶ F.Guaman Poma de Ayala. *Op. cit.*, p. 206.
- ⁷ T.Besom. Inka sacrifice and the mummy of Salinas Grandes. — *Latin American Antiquity*. 21 (4), 2010, p. 407.
- ⁸ F.Guaman Poma de Ayala. *Op. cit.*, p. 178.
- ⁹ B.de Cobo. *História del Nuevo Mundo*, t. III. Sevilla, 1892, p. 190.
- ¹⁰ J.de Betanzos. *Op. cit.*, p. 138.
- ¹¹ B.de Cobo. *Op. cit.*, p. 109—299.
- ¹² P.de Ondengardo. *Informaciones acerca de la religión y gobierno de los incas*. Lima, 1916—1917, p. 10.
- ¹³ B.Ellefson. Las concubinas de los Sapa Incas difuntos. — *Bulletin de l'Institut Français d'Études Andines*. 1982, № 11 (1—2), p. 16—17.
- ¹⁴ M.Giersz, C.Pardo. Castillo de Huarmey. El mausoleo imperial Wari. Lima, 2014.
- ¹⁵ Ibid., p. 222—268.
- ¹⁶ W.H.Isbell. Mortuary preferences a Wari culture: case study from Middle horizon Peru. — *Latin American Antiquity*, № 15 (1), 2004, p. 3—32; W.H. Isbell, A.Korpisaari. Entierros en las zonas nucleares de Wari y Tiwanaku: similitudes, diferencias y significado. — *Conchopata, revista de arqueología*, №4, 2014, p. 77-148.
- ¹⁷ L.M.Valdez, K.J.Betcher, J.A.Ochato ma, J.Ernesto Valdez. Mortuary preferences and selected references a comment on Middle Horizon Wari burials. — *World Archaeology*, Vol.38, №4, 2006, p. 683—684.
- ¹⁸ W.H.Isbell, A.Korpisaari. *Op. cit.*, p. 114.
- ¹⁹ J.R.Topic, M.E.Moseley. Chan Chan: a case study of urban change in Peru. — *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*, N 21, 1983, p. 154.
- ²⁰ R.W.Kearing, K.C.Day. Socio-economic organization of the Moche valley during the Chimú occupation of Chan Chan. — *Journal of Anthropology Research*. Vol.29, N 4, 1973, p. 285.
- ²¹ A.de la Calancha. *Crónica moralizada*. T. IV. Lima, 1977, p. 1247.
- ²² J.R.Topic, M.E.Moseley. *Op. cit.*, p. 161—164.
- ²³ J.H.Rowe. On Absolute Dating and North Coast History. — *Memoirs of the Society for American Archaeology*, N 4, 1948, p. 52.
- ²⁴ D.Durán. *Historia de las Indias de Nueva España*. México, 1867, p. 53, 307.
- ²⁵ Ibid., p. 254.
- ²⁶ D.Durán. *Op. cit.*, p. 307—308, 322; H.A.Teozomoc. *Crónica mexicana*. Madrid, 2001, p. 359—360.
- ²⁷ H.A.Teozomoc. *Op. cit.*, p. 244—245, 359—360; D.Durán. *Op. cit.*, p. 306—307.
- ²⁸ D.Durán. *Op. cit.*, p. 306.
- ²⁹ F.de Alva Ixtlilxochitl. *Historia de la Nación chichimeca*. Madrid, 2000, p. 242.
- ³⁰ Ibid., p. 194.

- ³¹ S.S u g i y a m a. Human sacrifice, militarism, and rulership. Materialization of the state ideology at the Feathered Serpent pyramid, Teotihuacan. Cambridge, 2005, p. 209.
- ³² Ibidem.
- ³³ M.J.G a l l e g o s G ó m o r a. Costumbres funerarias y organizacion social en Calakmul: Excavaciones en la estructura VII: Una interpretacion. México, 2001, p. 127.
- ³⁴ V.Tiesler Blos, M.del Rosario Domínguez Carrasco, W.J.Folan. Los restos humanos de contextos funerarios y extrafunerarios de Calakmul, Campeche, México. — XII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1998, p. 648.
- ³⁵ K.Delvehdahl. Calakmul in sight. México, 2008, p. 115.
- ³⁶ C.Chase Coggin. Classic Maya Metaphors of Death and Life. — *Anthropology and Aesthetics*, N 16, 1988, p. 78.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ R.Carrasco Vargas, S.Boucher, P.Alvarez González, V.Tiesler Blos, V.García Vierna, R.García Moreno, J.Vázquez Negrete. A Dynastic Tomb from Campeche, Mexico. — *Latin American Antiquity*, Vol. 10, N 1, p. 49—63.
- ³⁹ K.Delvehdahl. Op. cit., p. 87.
- ⁴⁰ R.G.Sharer. The ancient maya. Stanford, 1994, p. 155.
- ⁴¹ Ibid., p. 157.
- ⁴² S.Martin, N.Grube. *Chronicles of the maya kings and queens*. London, 2008, p. 41.
- ⁴³ Ibid., p. 33.
- ⁴⁴ R.G.Sharer. Op. cit., p. 164.
- ⁴⁵ L.J.Lucero. The politics of ritual the emergence of Classic maya rulers. — *Current Anthropology*. Vol. 44, N 4, 2004, p. 542.
- ⁴⁶ N.M.Hellmuth. Structure 5D-73, burial 196, Tikal, Peten, Guatemala: A preliminary report. Vol. 2. Harvard, 1967.
- ⁴⁷ Ibid., p. 120—127.
- ⁴⁸ L.J.Lucero. Op. cit., p. 532.

Elena Novoselova (Helena-Novoselova@yandex.ru).

Postgraduate student of the historical faculty of the Lomonosov Moscow State University

Burials of rulers in the states of pre-Columbian America

Abstract. In the article on the written and archaeological sources are analyzed the funeral rites and rituals performed during the funeral of supreme rulers of the largest States of pre-Columbian America. Also are analyzed their differences and similarities, as well as their religious and ideological content. The author comes to the conclusion that the burial practices of the supreme rulers are a reflection of the extent of the power of the state itself.

Key words: mortuary rites, ideology, supreme power, Maya, Inca, Aztecs.